

Глава 35. Умоляю, спасите его

Тёплый, ласковый ветер пролетал над землёй, колыша густую зелень листвы. Первые лучи рассвета, пробиваясь сквозь облака, окрашивали мир в нежные, живые тона.

Последние дни у Цзян Чаншэна выдались хлопотными. Дела в филиале он полностью переложил на плечи Дань Синьцзэ — тому оставалось лишь встречать гостей и подавать заранее приготовленные блюда. Сам же лавочник вместе с Цюнци облетел больше двадцати горных хребтов: от Горы Чунву до Горы Ивань. Он заводил знакомства с местными божествами и, что важнее, обретал новых последователей.

С помощью горных духов, являвшихся своим жрецам во снах, и собственного мастерства иллюзий, Цзян Чаншэн легко завоёвывал доверие людей, исполняя их сокровенные просьбы.

Боги гор, все как один — с телом барана и человеческим лицом, — на деле оказались совершенно разными по характеру. Если предыдущий был типичным «цундэрэ», то нынешний попался на редкость болтливым.

— Спасибо тебе лавочник Цзян твоя духовная пища просто чудо за эти дни я тебе так благодарен если что-то понадобится только скажи я расшибусь в лепёшку но сделаю всё в лучшем виде...

Цзян Чаншэн, чей разум уже начал блуждать где-то далеко, вяло отозвался:

— Ага, спасибо.

— Погода сегодня просто загляденье то что мы встретились здесь великая удача кстати на соседнем пике горный дух мой названный брат у нас с ним отношения просто золотые если решишь заглянуть к нему я обязательно замолвлю за тебя словечко...

— Да-да, очень признателен.

Сидящий рядом рыжий кот зевнул и пробормотал, едва борясь со сном:

— Как он умудряется тараторить целый час и ни разу не перевести дух?

Сирийский хомяк лишь печально покачал головой:

— Недостигаемое мастерство.

Обменявшись ещё парой дежурных любезностей, Цзян Чаншэн наконец попрощался с

говорливым божеством и с облегчением выдохнул. Он поднял голову: небо сияло безупречной лазурью, а горный воздух, пахнувший хвоей и свободой, мигом смыл накопившуюся усталость.

Поодаль, на небольшом пригорке, замер Мо Ци. Окружённый мягким ореолом света, он казался воплощением благородного спокойствия. Его чёрные волосы, гладкие, словно дорогой атлас, подрагивали на ветру. Цзян Чаншэн подошёл ближе и, не удержавшись, легонько потянул за прядь.

Мо Ци вздрогнул и обернулся. Солнечные блики играли в его глазах, зажигая в глубине зрачков мириады искр. Лавочник замер на мгновение, встретившись с ним взглядом, затем усмехнулся и отпустил волосы.

— Уж очень они шелковистые, — бросил он непринуждённо. — Рука сама потянулась.

Мо Ци промолчал, лишь пристально посмотрел на него. Цзян Чаншэн по-свойски положил руку ему на плечо.

— Слушай, брат Мо Ци, как тебе удаётся поддерживать их в таком идеальном состоянии? Блестят лучше, чем у иных дев-заклинательниц. Поделишься секретом?

Мо Ци напрягся и стал выглядеть странно.

— В следующий раз просто состригу их, — буркнул он.

— Ну зачем же так радикально? — рассмеялся Цзян. — Такая красота пропадёт.

В его прежнем мире за такой парик можно было бы выручить целое состояние.

Цзян Чаншэн глянул на небо.

— Ладно, пора. Нас ждут на горе Ивань.

У него была договорённость с местным горным духом — нужно было доставить очередную порцию духовных яств. Стоит признать, дружба с божествами гор пошла лавочнику на пользу: за это время его запасы веры и заслуг значительно пополнились.

Они летели над бесконечными хребтами, вдыхая запахи дикого леса. Под тёплым солнцем пушистые облака казались такими близкими, будто до них можно было дотянуться рукой.

У подножия горы Ивань раскинулась деревня Игуань. Стоило Цзян Чаншэну опуститься на землю, как до его слуха донеслись крики яростного спора.

— У-у-у... это всё он! Он заманил нас туда, и на нас напали эти твари!

— Точно! Папа, мама, это всё из-за маленького дурачка! Посмотрите, я весь в ранах, мне так больно...

Четверо или пятеро подростков, перепачканных слезами и соплями, дрожали от страха, вспоминая ужасы минувшей ночи.

Гун Шичжу стоял неподвижно, не проронив ни слова. Старые шрамы на его теле разошлись, и капли крови медленно стекали по коже, окрашивая сухую землю в багряный цвет.

Десятки полных ненависти взглядов скрестились на юноше. Жена старосты, дрожа от возмущения, ткнула в него пальцем:

— Ты... ты...

Гун Шичжу поджал губы и сделал шаг вперёд, словно хотел поддержать её:

— Матушка...

— Не смей называть меня так! У меня нет такого сына! — Она с силой оттолкнула его руку и, вцепившись в его плечи, закричала: — Сейчас же проси у всех прощения!

Стоящий рядом староста лишь тяжело вздохнул:

— Сын, ты совершил ошибку. Повинись.

Никто не встал на его защиту.

Гун Шичжу замер. Он обвёл взглядом толпу: взрослые прижимали к себе своих детей, глядя на него как на зачумлённого. Сами же подростки отводили глаза. Один из них, было, замялся, собираясь что-то сказать, но товарищ больно ущипнул его и предостерегающе качнул головой.

«Если скажем правду, нам несдобровать», — читалось в его безмолвном шепоте.

В итоге даже тот, кто хотел объясниться, покорно опустил голову.

Гун Шичжу не выказал никаких эмоций. Должно быть, он привык. Или просто понимал: у ребёнка, который вечно балансирует на грани того, чтобы быть выброшенным вон, нет права на слезы или истерики. Люди верят лишь в то, во что хотят верить.

Он склонил голову, собираясь принести привычные извинения.

Но в этот миг вода в ближайшем водоёме всколыхнулась, и на берег выпрыгнула крупная рыба, мгновенно обернувшись черноволосой девушкой. Сяо Цзи, не в силах больше терпеть, смерила подростков испепеляющим взглядом.

— Лжецы! — выкрикнула она. — Это вы затащили Гун Шичжу в логово птиц-оборотней! Самито со страху чуть в штаны не наложили, а он спас каждого из вас! И теперь вы смее обвинять его?!

Она обвела толпу яростным взглядом, и её голос сорвался на крик:

— Свора неблагодарных тварей!

Подростки понурились, не зная, куда деться от стыда. Сяо Цзи обернулась к Гун Шичжу. Она до последнего ждала, что он сам скажет правду, но он, как и всегда, хранил молчание. Глядя на его жуткие раны, она не выдержала и дрожащим голосом прошептала:

— Дурак... какой же ты дурак...

Появление Сяо Цзи застало жителей деревни врасплох. Один из разоблачённых парней, густо покраснев от стыда и паники, ткнул пальцем в девушку:

— Откуда она взялась?! Это оборотень! Смотрите, она заодно с ним!

Толпа ахнула и в страхе отпрянула. Подросток, почуяв спасительную лазейку, закричал ещё громче:

— Раз эта нечисть за него заступается, значит, он и сам порченый! Может, это она научила его колдовству?!

Деревенские жители, охваченные ужасом и брезгливостью, зашумели. Сяо Цзи, поняв, что только ухудшила положение, растерялась. Она видела, как кольцо сужается, и пыталась оправдаться, но её голос звучал слабо и неубедительно:

— Нет... всё не так... он не виноват...

Ей никто не верил. Как и прежде.

Мужчины уже хватались за вилы и косы, окружая их. Гун Шичжу, оставаясь непроницаемым, молча сделал шаг вперёд, заслоня собой девушку.

Воздух в деревне, казалось, наэлектризовался от напряжения.

Именно в этот момент появился Цзян Чаншэн.

Он окинул спокойным взглядом разгневанную толпу и вежливо поинтересовался:

— Прошу прощения, я не помешал? Подскажите, где мне найти вашего жреца?

Среди жителей нашлись те, кто был на Горе Небесного Императора. Они мгновенно узнали лавочника. Лица их осветились восторгом, и над площадью разнеслось:

— Небожитель! Бессмертный пришёл!

— Лавочник Цзян, тут оборотень!

— О Великий, мой ребёнок вчера пострадал от когтей зверя, рана гноится, умоляю, спасите его!

Настроение толпы сменилось мгновенно. Пока одни рассыпались в благодарностях, другие поспешили доложить о случившемся «безобразии».

Цзян Чаншэн скользнул взглядом по пунцовым лицам подростков — тех самых, что уже однажды издевались над Гун Шичжу. Он мягко улыбнулся:

— Боюсь, тут вышло недоразумение. Насколько мне известно, Гун Шичжу — юноша добрый и на подобное не способен. Что же касается этого «оборотня»...

Цзян Чаншэн посмотрел на Сяо Цзи и усмехнулся:

— Мы знакомы. Она — младшее божество, владеющее некоторыми тайнами бессмертных.

Эти слова подействовали магически. Гул голосов сменился робким шепотом. Староста, выглядевший теперь крайне пристыженным, повернулся к юноше:

— Прости, сынок. Мы ошиблись.

Гун Шичжу не ответил. Он вдруг стал выглядеть отрешённо. Он начал что-то невнятно бормотать, а затем, словно лишившись сил, тяжело рухнул на землю.

— Опять!

— У него припадок! Прочь от него!

— Дурак остаётся дураком, даже если ему благоволят боги. Одно горе от него...

Цзян Чаншэн подошёл к упавшему юноше. Тот был смертельно бледным и весь взмок от пота. Глядя на израненное тело парня, лавочник сокрушённо покачал головой. Когда же он коснулся его лба, то невольно отдернул руку.

Мальчишка горел.

***

Белые облака лениво плыли по лазурному небу, отражаясь в речной глади. Цзян Чаншэн велел жителям разойтись. Сяо Цзи, не отходя от Гун Шичжу, с тревогой проговорила:

— Он теряет сознание уже не первый день.

Мо Ци присел рядом, осматривая больного.

— Заражение ран, — коротко бросил он. — Плюс бушующая внутри духовная энергия, которой он не умеет управлять.

— Странно, — задумчиво произнёс Цзян. — Мальчишка никогда не учился заклинательству, родители у него — обычные люди. Откуда в нём такая мощь?

— Он им не родной, — пояснила Сяо Цзи.

— В нём течёт кровь драконов, — добавил Мо Ци.

Цзян Чаншэн округлил глаза:

— Ого... вот оно как...

— Жена старосты ему тоже не мать, — договорила Сяо Цзи.

Цзян Чаншэн шумно выдохнул:

— Фух, напугал. А я уж невесть что подумал.

Сяо Цзи: «...»

Лавочник принялся обрабатывать раны юноши. Алые порезы резко выделялись на бледной коже. Цзян Чаншэн вспомнил их прошлую встречу — тогда парень тоже был весь в ссадинах. В этот раз живого места на нём почти не осталось.

Убедившись, что жар начал спадать, Цзян Чаншэн поднял взгляд на небо. Солнце клонилось к закату, пора было прощаться.

Но Сяо Цзи вдруг окликнула их.

Раздался глухой звук — она упала на колени.

Лучи заходящего солнца пробивались сквозь листву, рассыпаясь по земле причудливыми пятнами. Дикая трава тихо шуршала на ветру, а река мерцала, подёрнутая рябью. Лицо девушки скрылось в неверном вечернем свете, но в глазах заблестели слёзы.

— Умоляю вас, — прохрипела она, — спасите его. Ему нельзя здесь оставаться... На горе Фуюй растёт целебная трава, способная излечить его глухоту и недуг ума. Моих сил не хватает, чтобы надолго покидать воду.

Сяо Цзи не первый год наблюдала за этим юношей. Прячась в прибрежных зарослях или в глубине потока, она видела его одинокую, понурую фигуру. Видела, как над ним издеваются, и как он неизменно отвечает на это чистым, молчаливым взглядом.

Однажды она сказала ему: «Я — богиня воды. Если будешь приносить мне еду, я стану тебя оберегать». Он согласился и с тех пор приходил в назначенное время. Она же, как могла, хранила его покой, стараясь оставаться незамеченной.

Сама не заметив как, она стала смотреть на него всё чаще. Сяо Цзи постоянно ругала его: «Глупец». Но на самом деле она хотела сказать совсем другое.

Стоит только к кому-то привязаться — и ты становишься уязвимым. Она тысячу раз могла уплыть по течению реки в открытое море, но так и не решилась этого сделать.

<http://bllate.org/book/17549/1715243>